

Наследование городов в Русском государстве сыновьями Ивана III по его завещанию 1503 г.

Владимир Кучкин

Inheritance of cities in the Russian state by the sons of Ivan III according to his will of 1503

Vladimir Kuchkin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23050024, EDN: OWQMRA

«Душевная грамота», или завещание великого князя всея Руси Ивана III Васильевича была впервые опубликована русским просветителем XVIII в. Н.И. Новиковым¹. К моменту публикации этой грамоты Новиков имел опыт печатания таких документов. В 1773–1775 гг. в «Древней российской вивлиофике» он издал ряд завещаний московских великих князей XIV–XV вв. — предшественников Ивана III, от Ивана Калиты до Василия II². В 1813 г. завещание Ивана III переиздали по сохранившейся ранней копии в первой части «Собрания государственных грамот и договоров»³. Последнее издание было более совершенным, чем издание Новикова, а потому сохраняло свою значимость вплоть до 1950 г.

Наличие публикаций завещания Ивана III существенно облегчило историкам работу с этим источником. Уже Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» остановился на содержании «душевной грамоты» великого князя Ивана Васильевича. По его мнению, в ней отразились указания на поздние земельные приобретения Ивана III: была охарактеризована географически значительная часть Рязанского княжества, завещанная ему его племянником по женской линии — рязанским князем Фёдором Васильевичем; назван ряд литовских городов, захваченных Иваном III незадолго до составления завещания, но этот перечень требует поправок. Карамзин обратил также внимание на то, что младшим сыновьям Ивана III были выделены «богатые вотчины», однако запрещалось покупать земли во владениях старшего брата Василия III, чеканить монету, участвовать в «откупах государственных», в частности, денежных, они лишались права вершить суды по делам о душегубстве и о поличном «при разбойных нападениях и татьбе». В итоге «меньшие сыновья Иоанновы должныствовали иметь права только частных владельцев, а не князей владетельных»⁴. В «Примечаниях» Карамзин включил две выписки из завещания Ивана III: о чеканке монет только великим князем в Москве и Твери, а также о разделе между сыновьями налоговых поступлений с населения Москвы и с приезжавших в Москву торговых людей⁵.

© 2023 г. В.А. Кучкин

¹ Древняя российская вивлиофика (далее — ДРВ). Ч. 2. Изд. 2. М., 1788. № 123. С. 408–434.

² Там же. Ч. 8. СПб., 1775. № 1–2. С. 208–220 (два завещания Ивана Калиты); № 4. С. 226–230 (завещание Симеона Гордого); № 5–6. С. 230–243 (два завещания Ивана Ивановича) и т.д. до двух завещаний Василия II, напечатанных в Ч. 9 ДРВ.

³ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. I. М., 1813. № 144. С. 389–400.

⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. V. М., 1999. С. 200.

⁵ Там же. С. 312, примеч. 560; С. 313, примеч. 561.

Большое внимание уделил завещанию Ивана III С.М. Соловьёв. В вышедшем в 1855 г. пятом томе «Истории России с древнейших времён» он подвёл итоги деятельности Ивана III на основании его «душевной грамоты». Её текст в кратком сокращении он привёл в большом примечании⁶. Придавая серьёзное значение завещанию Ивана III, изменившему принципы наделения владениями старшего сына, преемника отца на великокняжеском столе, и принципы наделения уделами младших сыновей завещателя, Соловьёв без должного тщания отнёсся к анализу этого памятника. Он заключил, что общее число городов, полученных от отца будущим великим князем Василием III, равнялось 66. Как возникла такая цифра, Соловьёв не объяснил, но она оказалась неверной. Другая неточность касалась числа городов, которые по завещанию Ивана III должны были перейти к его младшим сыновьям — Юрию, Дмитрию, Семену и Андрею. Соловьёв полагал, что младшим Ивановичам отошли «только 30» городов⁷ (на самом деле меньше). Важно, что Соловьёв подтвердил разные принципы наделения владениями старшего сына, с одной стороны, и младших сыновей Ивана III — с другой. Историк не поинтересовался, что это были за принципы и чем они отличались от норм удельного наделения в Московском княжестве в XIV—XV вв.

В начале XX в. В.О. Ключевский, издавая «Курс лекций по русской истории», использовал завещание Ивана III для характеристики того, насколько к началу XVI в. выросли денежные средства старшего из сыновей Ивана — Василия — по сравнению со средствами его младших братьев. Для этого историк использовал включённые в завещание Ивана III данные о выплатах татарам «выхода» и других платежей, которые должны были осуществлять в будущем все его сыновья. «Чтобы ещё яснее представить себе этот процесс (рост денежных средств, а с ним и увеличение могущества старшего сына. — В.К.), — писал Ключевский, — мы перейдём пределы изучаемого периода и перелистаем духовную грамоту великого князя Ивана III, составленную около 1504 г. Иван III разделил свою вотчину также между пятью сыновьями (как и отец Ивана III великий князь Василий II. — В.К.). Старшему из наследников, великому князю Василию, он отказал одному 66 городов с уездами, а всем остальным вместе только 30. И этот завещатель определяет долю каждого наследника в составе каждой тысячи рублей на ордынские расходы. Великий князь, старший наследник, один должен был вносить в тысячу 717 руб., т.е. около $\frac{3}{4}$ всей суммы, почти втрое больше, чем все остальные братья вместе. К такому реальному результату привёл рано усвоенный московскими завещателями обычай нарушать равенство раздела вотчины между наследниками в пользу старшего из них. Излишек на старейший путь, сначала столь малозаметный в начале XV в., достиг таких размеров, которые давали старшему наследнику решительное материальное преобладание над младшими. Князья-завещатели не давали старшим сыновьям никаких лишних политических прав, не ставили их младших братьев в прямую политическую от них зависимость; но они постепенно сосредоточивали в руках старшего наследника такую массу владельческих *средств*, которая давала им возможность подчинить себе младших удельных родичей и без лишних политических *прав*. Таким чисто материальным, иму-

⁶ Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. III. История России с древнейших времён. Т. V. М., 1989. С. 356—358, примеч. 222.

⁷ Там же. С. 138.

шественным преобладанием и положено было основание политической власти московского великого князя, старшего наследника»⁸. На этом можно прервать характеристику завещания Ивана III маститым историком, чтобы вернуться к ней через некоторое время, после рассмотрения мнений других исследователей об этом документе.

Короткое время спустя с оценкой завещания Ивана III выступил А.Е. Пресняков. В докторской диссертации «Образование Великорусского государства», выпущенной в 1918 г., исследователь пришёл к заключению, что завещание Ивана III составлено на основании норм вотчинного права. Оснований для такого утверждения он не привёл, о работах Карамзина и Соловьёва даже не упомянул, а они, каждый по-своему, показали, что в завещании Ивана III отразились как нормы вотчинного права (по отношению к великокняжеским владениям, которые рассматривались как полная собственность великих князей), так и нормы прекарного права (по отношению к владениям удельнокняжеским, в частности, запрещение расширять завещанные Иваном III территории уделов).

После этого в течение 30 лет исследовательских работ о завещании Ивана III не появлялось. В 1948 г. вышла первая часть монографии Л.В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV–XV вв.», куда оказалась включена небольшая – всего три с половиной страницы – работа автора «Духовная грамота Ивана III 1504 г.». Черепнин имел полное право ничего не писать о «душевной грамоте» Ивана III, поскольку ограничивал анализ материалов средневековых русских архивов XV в., а грамота написана в начале XVI столетия. Но историческое значение грамоты признавалось в науке столь большим, что учёный не решился выпустить свой главный труд без её характеристики. Знакомство с текстом показывает, что Черепнин едва ли вдумывался в рассуждения Карамзина, Соловьёва, Ключевского или Преснякова – их фамилии в очерке отсутствуют. Значение завещания Ивана III Черепнин свёл к регулированию денежных налогов, поступавших с Московской земли⁹. В итоге получалось, что общерусского значения «душевная грамота» не имела, можно было говорить только о локальном её значении.

Справедлива ли такая трактовка завещания Ивана III? Вернёмся к оценке этого памятника Ключевским. Приведу то место завещания Ивана III, которое анализировал этот исследователь: «А дѣти мои, Юрьи з брат(ь)ею, дают с(ы)нѹ моемѹ Васил(ь)ю съ своих ѹдѣлѹ в выходы в ординские и въ Крым, и в Азтаракан(ь), и в Казан(ь), и во Царевичев городок, и в ыные цари и во царевичи, которые бѹдѹт ѹ с(ы)на моег(о) ѹ Васил(ь)ѹ в землѣ, и в послы в татарские, которые придѹт къ Москвѣ и ко Тѹбри, и к Новѹгородѹ к Нижнемѹ, и къ Ідрославлю, и к Торѹсе, и к Рязани къ Старои, и к Перевитскѹ къ княжѹ Ѳеод(о)ровскомѹ жеребью разанског(о), и во всѣ татарские проторы, во тысячу рѹблев. С(ы)нѹ мой Юрьи дает съ своег(о) ѹдѣла со всег(о) и с Кашина восьмьдесѹт рѹблев и два рѹбла без гривны. А с(ы)нѹ мой Дмитрии дает съ своег(о) ѹдѣла со всег(о), и з Зѹпцова, и с Опок пѹтьдесѹт рѹблев и восьмь рѹблев с полтиною и семь денег. А с(ы)нѹ мой Семен дает съ своег(о) ѹдѣла со всег(о) шестьдесѹт рѹблев и пѹть рѹблев без десяти денег. А с(ы)нѹ мой Андрѣи дает съ своег(о) ѹдѣла со всег(о) и з Старици, и з Холмьских вотчины, с Холмѹ и с Новог(о) городка,

⁸ Ключевский В.О. Сочинения. Т. II. Курс русской истории. Ч. 2. М., 1957. С. 40–41.

⁹ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. М.; Л., 1948. С. 222–223.

и с Олешни, и съ Синие, и с иных волостей с тверских, что емѹ дано, сорѹк рѹблев с полтиною и полчетверты денги. А с(ы)нѹ мой Василей даеѹ в тѹ же тысячу рѹблев с Москвы и со всеѹ(о) великоѹ(о) княжен(ь)а Московские земли, и со Тѹѹри, и со всеѹ Тѹѹрские земли, что емѹ дано, и с Рязани съ Старые, и с Перевицка семьсотъ рѹблев и полвсманатцата рѹбла и полвтрет(ь) и денги. А Борисов с(ы)нѹ братен Ѳеод(о)рѹ даеѹ с(ы)нѹ моему Васил(ь)ю в тѹ же тысячу рѹблев съ своеи ѿчины и с Колпи, и з Бѹлгорода трицѹат рѹблев и полвсма рѹбла»¹⁰. Чтобы приведѣнный текст стал более понятным, отмечу, что упомянутый в его начале «Царевичев городок» — это позднейший город Касимов. После такого пояснения можно обратиться к анализу основного содержания процитированного текста.

Согласно источнику, в 1 тыс. руб. татарского «выхода» второй сын Ивана III Юрий должен был внести 82 руб. без 1 гривны, т.е. 81 руб. 9 гривен. Третьему сыну Дмитрию следовало уплатить со своих владений 58,5 руб. 7 денег. Четвѣртый — Семѣн — вносил в 1 тыс. руб. татарского запроса 65 руб. без 10 денег, пятый — Андрей — со своего удела вносил 40,5 руб. 3,5 деньги. Первый сын Ивана III Василий платил в «выход» 717,5 руб. 2,5 деньги. Племянник Ивана III волоцкий князь Фѣдор Борисович вносил 37,5 руб. Если сложить приведѣнные цифры, то получится, что сыновья и племянник великого князя в будущем должны были вносить в «выход» 1000,9 руб. Если же учесть данные не только о рублях, но и о деньгах, то картина незначительно изменится. Старшему сыну Ивана III Василию следовало дополнительно внести 2,5 деньги, второму сыну, Юрию — 82 руб. без 1 гривны, Дмитрию — ещё 7 денег, Семѣн не доплачивал со своего взноса в 65 руб. 10 денег. Андрею надлежало дополнительно к своему взносу внести ещё 3,5 деньги. В итоге получается, что собираемая общая сумма татарского «выхода» составляла 1 тыс. руб. 9 гривен и 3 деньги на 1 тыс. руб. реального, фиксируемого источниками, 5-тысячного или 7-тысячного ханского «выхода». Какой процент взносов ложился на каждого из сыновей Ивана III?

Для этого из суммы 1 тыс. руб. 9 гривен и 3 деньги надо вычесть размер выплаты, падавший на племянника Ивана III князя Фѣдора Борисовича Волоцкого, — 37,5 руб. Прodelывая такую операцию, мы получаем цифру в 963 руб. 4 гривны 3 деньги, которая взималась только с сыновей Ивана III. При этом доля старшего сына Василия составляла 74,48% от общей суммы 963 руб. 4 гривны (3 деньги можно не принимать во внимание, тем более что в источнике не указывается, являлась ли деньга московской или новгородской; последняя была в два раза дороже), доля Юрия — 8,5%, Дмитрия — 6,07%, Семѣна — 6,74%, Андрея — 4,2%. Выясняется, что расходы Василия превышали расходы его брата Юрия в 8,76 раз, Дмитрия — в 12,27, Семѣна — в 11,05, Андрея — в 17,73 раза. Даже объединѣнные расходы четырёх младших братьев будущего Василия III (25,51%) суммарно почти втрое уступали расходам старшего брата.

Но насколько корректны выводы относительно преимущественного роста экономических возможностей старшего сына великого князя всея Руси Ива-

¹⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков. М.; Л., 1950 (далее — ДДГ). № 89. С. 362. Здесь и далее процитированные места из завещания 1503 г. Ивана III прошли дополнительную сверку с текстом источника публикации 1950 г. — ранней копии начала XVI в. завещания Ивана III (РГАДА, ф. 135, отд. I, рубр. I, № 34, л. 1–8). Текст завещания 1503 г. поделѣн на статьи. Введена нумерация статей.

на III Василия по сравнению с его младшими братьями? Ведь предложенные заключения построены на основе сравнения затратных частей бюджета каждого из князей — сыновей Ивана III, вынужденных платить «выход» татарам. К концу жизни Иван III обладал территориями, с которых «выход» никогда не взимался, например, с северных Колмогор или с Торопца, Дорогобужа, Вязьмы, входивших ранее в состав Смоленского княжества, присоединённого к Литовскому государству ещё в 1404 г.¹¹ Если, рассуждая абстрактно, Иван III передавал бывшие смоленские города одному сыну, не заставляя его участвовать в выплате «выхода», то показатели расходов других сыновей великого князя на ордынские взносы во многом теряли бы свой смысл. Для решения поставленных задач надёжнее опираться не на размеры татарских выплат сыновей Ивана III, а на размеры их собственных владений, передаваемых им их отцом. Рассмотрим последовательно данные «душевной грамоты» Ивана III о городах, завещанных его сыновьям.

Перечень владений старшего сына Ивана III Василия начинается со статьи 4 завещания его отца: «А даю ему горѡд Москвѣ с волостями и с путми, и з станы, и з селы, и з дворы з горѡдцкими со всѣми, и з слободами, и с тамъгою, и с пудом, и с помѣрным, и с торги, и с лавѣками, и з дворы з гостиными, и со всѣми пошлинами, и з Добратинским селомъ, и з бортью, и с Васицовым стомъ, да числаки и ѡрдинцы»¹². Москва, главный город Русского государства, передавалась только старшему сыну, со всеми волостями, путями, станами, сѣлами, городскими слободами и дворами, но конкретно назывался только один стан — Васильцев и одно село — Добрятинское, тогда как станов и сѣл под Москвой было в несколько раз больше.

Далее в завещании Ивана III помещено несколько статей (5, 6, 8, 9), в которых уточняется юридическое положение некоторых переходивших под власть князя Василия Ивановича подмосковных сѣл: Семчинского, имевшего в своём составе не только сельские, но и городские дворы, а также Воробѣва, Владимировского, Семёновского, Воронцовского, Кадашѣва. На р. Яузе, левом притоке р. Москвы, старшему сыну Ивана III предназначалось село Воронцовское, «гдѣ мои дворѣ, и з дворы з горѡдцкими со всѣми по ѡбе стороны Ёдузы, и с мельницами, как было при мнѣ, да монастыр(ь) Лышыково и з дворы, да Ильинскую слободку со всѣм, по тому, как есми выменил у Андрѡшника монастырѣ». Все великокняжеские дворы внутри московского Кремля и «за городом на посадех, и сады мои всѣ, и пустыи мои мѣста по посадом» завещались старшему сыну Ивана III Василию. В статье 9 завещания указывалось, что «мои дворы внутри города на Мѡсквѣ и за городом за моими бояры и за князми, и за детми боярскими, и за дворѣны за моими, и за дворцовыми людьми, и за конюхи, и за мастера за моими, и тѣ всѣ дворы с(ы)нѣ моемѣ Васил(ь)ю»¹³.

В статье 11 отмечалось, что несколько московских волостей, приписанных к г. Дмитрову ещё в правление Дмитрия Донского и расширивших удел его сына Петра, возвращаются в число московских, и владеть ими должен старший сын Ивана III Василий. Под контроль последнего передавались также четыре старинные московские волости: Сурожиж, Лучинское, Радонеж, который в конце XV в. уже был городом, и треть волости Мушкова гора «с мытом с Лѡвским»¹⁴.

¹¹ ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 232.

¹² ДДГ. № 89. С. 354.

¹³ Там же.

¹⁴ ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1856. С. 223; ДДГ. № 89. С. 354.

Далее определялось будущее одного из ранних московских городов — Коломны, отторгнутой от Рязани и присоединённой к Москве ещё в 1301 г.¹⁵, и других городов по московско-рязанскому рубежу. В статье 12 своего завещания Иван III объявлял, что сыну Василию он даёт «горѡд Коломнѡ с волостыми и с пѡтми, и з селы, и со всѣми пошлинами; горѡд Кошырѡ съ Зарѣч(ь)ем, что за рекою за Окою; Тѣшилѡв и Рославль, и Венев, и Мѣстиславль, и иные мѣста по рязанской рѡбѣж, и с волостыми, и с пѡтми, и з селы, и со всѣми пошлинами; и съ Елчем, и со всѣми елечскими мѣсты; горѡд Серпохѡв да Хотѡн(ь) и с волостми, и с пѡтми, и з селы, и со всѣми пошлинами; горѡд Торѡсѡ з Горѡдцом и с Ыскан(ь)ю, и с Мышегою, и с Колѡдною, и со княгининскою вотчиною Сѡдом(ь)иною; горѡд Мченескъ с волостыми и з селы, и со всѣми пошлинами, со всѣмъ, что к немѡ потагло»¹⁶. Упомянутая Кашира — это Кашира Новая, построенная на окском правом берегу. Рославль (другое название — Ростиславль) — бывший старинный рязанский город на р. Оке, основанный рязанским князем Ростиславом Ярославичем в 1153 г. Хотунь ко времени написания завещания Ивана III была уже городом¹⁷. Мченеск с его волостями — это современный Мценск. Городами в статье 12 являлись также Коломна, Венёв, Елец, Серпухов, Таруса, Городец и Тешилов. Отдельной характеристики требует Тешилов. В исторических источниках он городом не называется. Но на северной окраине современной деревни Спас-Тешилово, которая наследовала Тешилову, археологами обнаружено древнее городище с остатками средневековых укреплений. Последние на протяжении XIV—XVI вв. неоднократно перестраивались¹⁸. Эти данные позволяют видеть в Тешилове город, а не волость, место или какой-то иной тип сельского поселения. Всего же в статье 12 упоминается по меньшей мере 11 населённых пунктов, которые были городами. Все они завещались Василию III.

Ему же отходил «горѡд Воротынескъ и с Лагинском, и с Краишиным, и с ыными мѣсты, со всѣм с тѣмъ, как был за Воротынскими» (статья 13)¹⁹. Из трёх указанных поселений городом был, по-видимому, только Воротыньск.

Статья 14 определяла будущий статус Мценска: «А что есми променил кн(а)зю Михаилѡ Мезетцкомѡ на ез(о) жереbei на Мѣсческъ в Стародѡбе Сѡлексин(о), и ѡн дрѣжит по менѡвной грамоте, а сѡд и дан(ь) с(ы)на моез(о) Васил(ь)ево»²⁰. О примерном месте расположения села Алексина свидетельствует вторая «Данная князя Фѣдора Андреевича [Стародубского] Троицкого монастыря игумену Никону на озера Смехро и Боровое в Алехсинском стане Стародубского княжества с правом поставить у озѣр двор для ватаги рыболовов»²¹. Грамота датируется 1392—1427 гг., поскольку была составлена в годы игуменства в Троице-Сергиевом монастыре Никона, преемника Сергия Радонежского. В этом источнике приводится название Стародубского стана: «в старишом пути в своей вотчине в Олехсинском стану», которое произошло от названия села Олексино (Алексино) и которое указывает на то, что село издавна

¹⁵ ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 85.

¹⁶ ДДГ. № 89. С. 354—355.

¹⁷ ПСРЛ. Т. IX. СПб., 1862. С. 197; ДДГ. № 70. С. 240.

¹⁸ Куза А. В. Древнерусские городища X—XII вв. М., 1996. № 658. С. 135.

¹⁹ ДДГ. № 89. С. 355.

²⁰ Там же.

²¹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. I. М., 1952. № 5. С. 28.

являлось княжеским, содержалось и благоустраивалось как княжеское и его вполне можно было давать в обмен на земельные доли князя Михаила Мезецкого в Мценске.

Выявленные данные относятся к небольшим географическим объектам, располагавшимся близ города Стародуба на р. Клязьме, более известного как Стародуб Рязоловский. Но в завещании 1503 г. Ивана III о принадлежности Стародуба ничего не говорится. Нет и определения Стародуба как Рязоловского. Можно думать, что переписчик завещания Ивана III допустил погрешность, возможно, опisku, в результате чего был утрачен текст, характеризовавший статус и принадлежность Стародуба Рязоловского. Однако следует обратить внимание на некоторые обстоятельства, имевшие место в Русском государстве в конце 1490-х гг. В 1498 г. удалось раскрыть заговор ряда бояр и детей боярских против Ивана III. Великий князь жестоко расправился с заговорщиками. Одному из самых деятельных среди них, князю Семёну Ивановичу Рязоловскому, зятю московского великокняжеского наместника князя И.Ю. Патрикеева, отсекли голову²². За такой расправой могла последовать конфискация владений Рязоловских, однако ей должны были предшествовать писцовое описание отходившей к великому князю территории и установление её формальных границ. Об этом свидетельствует ряд статей завещания 1503 г. Ивана III. Так, в статье 28 зафиксировано, что Иван III завещает «горѡд Тѡѣр(ь) и Городен с волостями и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами по томѹ, по каа мѣста писал ко Тѡѣри писецъ нашъ княз(ь) Ѳеѡд(о)рѣ Алабыш»²³. Подобного описания Стародуба Рязоловского до времени составления завещания Ивана III сделать, по-видимому, не удалось, а потому о собственно Стародубе ничего не было сказано. Но исходя из характера «душевной грамоты» Ивана III, в которой около 80% всех существовавших в начале XVI в. городов в Русском государстве завещались старшему сыну, Стародуб должен был перейти во владения будущего Василия III.

В статье 15 завещания Ивана III за его старшим сыном Василием закрепились высшая власть над владениями верховских князей: «А кн(а)зи новосилские, вдоевские и белевские, и з своими детми, и с своими вотчинами, и что къ их вотчинам потагло, с(ы)нѹ же моему Василю(ю) къ нашему великому княж(е)ству»²⁴. В распоряжении этих князей по меньшей мере были города Новосиль, Одоев и Белёв, но верховный контроль над ними следовало осуществлять Василию III. Город Одоев, как принадлежащий Ивану III, назван в статье 30 Судебника 1497 г.²⁵

Большая статья 16 завещания Ивана III продолжила перечень передаваемых князю Василию городов: Боровск, Кременец с относившимися к ним волостями, сѣлами и слободкой на р. Шане, а также «горѡд Ярославецъ (Малоярославец. — В.К.) с волостями и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, со всѣм с тѣм, как был за кн(а)зем Михаиломъ Андрѣевичемъ; горѡд Медынь(ь) и Радомль, и с Вешками по Угрѹ, да на Шане слобода, что Товарковѣ садил, по Угрѹ ж, и с Песочною с Меншею, и з слободами, что садили Андрѣи Картьмазов да Мита Загразскои, да Ивашко Гладкои. А что Ѳилиповыхъ дети Полтева села и д(е)р(е)вни на сеи сторонѣ Угры, и тѣ села и д(е)р(е)вни со всѣм, что

²² ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. Стб. 504.

²³ ДДГ. № 89. С. 357.

²⁴ Там же. С. 355.

²⁵ Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 23.

к ним потагло, къ Медыни, с(ы)нѹ же моемѹ Васил(ь)ю»²⁶. Таким образом, к владениям будущего Василия III отходили помимо Боровска и Кременца ещё Малоярославец и Мединь.

Статья 17 зафиксировала передачу старшему сыну Ивана III ещё нескольких городов, расположенных на землях бывшего Смоленского княжества: «Да емѹ же даю горѹд Можаяскъ с волостыми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, и з Чагошью, и с Тѹрьевым, и с Орѣховною, и с Могилном, и с Миченками, и съ Шатѣш(ь)ю, и з Сѹлидовым, и з Дмитровцом по ѿбе стороны Угры, и с ыными мѣсты, что к ним потагло; горѹд Вазмѹ и Кѹзлов с волостыми и з селы, и со всѣми пошлинами, со всѣм с тѣм, что к Вазме и х Козлѹвѹ, и ко всѣм ваземским мѣстом потагло, как было при мнѣ»²⁷. Можайск был присоединён к Московскому княжеству ещё в 1304 г.²⁸ Вязьма и, видимо, Козлов (смоленский город на р. Жижала) — в 1495 г.

Содержание статьи 18 было посвящено Дорогобужу и его территории, завоёванной Иваном III: «Да с(ы)нѹ же своемѹ Васил(ь)ю даю горѹд Дорогобѹж с волостыми, з селы и со всѣми пошлинами, со всѣмъ, что к немѹ потагло, да волости дорогобѹжскіе Погорѣлаа, Негѹмле, Хотомичи, Холмь, Батино, Прость, селцо Запѣе, Водоса, Некрасова, Селечна, Кремена, Редын(ь), по рецѣ по Уже Устье, Косково, Рехты, Хомчичи, Вышково, Василево, Ескино село Климова, слобѹдка вл(а)д(ы)чна въ Чертькове, селцо Пѣтатино з д(е)р(е)внѣами, Игѹмнова, Мѣстиславецѹ, Сѹщитѹвѹ, Жѹлин, Мошкова гора, Лѹчин горѹдок, Великое поле, Лопатино, Копылеа и Ужыца, Ведрѹш(ь) и Озерища, Сверковы лѹки со всѣмъ с тѣм, что къ Дорогобѹжѹ и къ тѣм волостем и селом потагло, как было при мнѣ»²⁹. В названиях более 30 дорогобужских волостей и сёл встречаются такие, какие могут быть относимы к древним мелким городкам, в частности, Мстиславец и Лучин городок. Минимальное число городов, указанных в статье 18, — три.

Согласно статье 19 будущий преемник Ивана III на великокняжеском столе его старший сын Василий получал в наследство город Переяславль Залесский с волостями, путями, сѣлами, пошлинами и с Солью. Три переяславские волости — Серебож, Рождественное и Бускутово — во времена Дмитрия Донского отписанные от Переяславля и перешедшие к Дмитрову, центру удела одного из младших сыновей Донского Петра, теперь возвращались в состав переяславских волостей и передавались под власть будущего Василия III³⁰.

По статье 20 князь Василий Иванович получал во владение несколько старинных древнерусских городов: «Да емѹ же даю горѹд Володимерь с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, и с Мѹромским селцом, и з Шатѹрѹм, и с Колѹшкою, и с Вышелѣсомъ, и с Островом; горѹд Юрьев с волостыми, с пѹтми и з селы, и с Великою Сѹлью, и со всѣми пошлина[ми]; горѹд Сѹздал(ь) с волостыми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, да Солцѹ Малѹю ѿбе половины; горѹд Ростов с волостыми, с пѹтми и з селы, и с Великою Сѹлью, и со всѣми пошлинами, и з Сѹлью; горѹд Ідрославль с волостыми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, и с Ухрою, и з селом с Петровским, и з д(е)р(е)внѣами, и слободкѹ Сѹхлабининскѹю, и с мытом, и княж Васил(ь)евскѹю

²⁶ ДДГ. № 89. С. 355.

²⁷ Там же.

²⁸ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 86.

²⁹ ДДГ. № 89. С. 355.

³⁰ Там же.

во^тчинѣ Шетинина Касть со всѣм, да Инопаж и з Селцом, и съ ѣзом, что на Волзе пѣд Рыбною слободою противѣ Инопажа и Селца»³¹. К бесспорным городам Владимиру, Юрьеву, Суздалью, Ростову и Ярославлю надо, по-видимому, отнести и Соль Великую, которая была городом. Всего по статье 20 Василий получил в своё владение шесть городов.

Ещё один город, завещанный Иваном III старшему сыну Василию, назван в статье 23: «Горѣд Романѣв Городокъ с волостями и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами»³². Речь идёт о позднейшем городе Борисоглебске Ярославской губ., современный Тутаев.

Далее в завещании шло описание будущих владений великого князя Василия III, располагавшихся в бассейне р. Шексны, левого притока Волги. Среди «шохонских» волостей одна была названа «городѣк Кнажычи»³³. По-видимому, центром этой волости являлся действительно городок, но, возможно, и замок, поставленный одним из московских удельных князей XV в. для обороны своих земель.

Статья 26 фиксировала передачу Иваном III сыну Василию громадной территории со многими городами на севере и востоке Русского государства: «Да с(ы)нѣ же своемѣ Васил(ь)ю даю горѣд Белозеро с волостями и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, со всѣмъ с тѣм, как было при мнѣ; горѣд Вологдѣ с волостями и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами; да Заузерье и с Кѣбеною, и с волостями, пѣтми и з селы, и со всѣми пошлинами; горѣд Устьюг и с волостями, и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, да Вычегдѣ и Вымь, и Удорѣ, и Сысолѣ, и со всѣми их мѣсты; да в Заволотцкой землѣ Ростѣвшинѣ, Пинега и Кѣгрола, и Чакола, Прѣмьские, Мезен(ь), Немъюга, Пил(ь)и горы, Пинешка, Выя, Тоима, Кирѣи горы, Емъскаа гора на Вазе со всѣм и Гѣнтонова перевара, Корбѣлской ѡстрѣвѣ, Шогогора, Кѣрчела, Сѣра поганаа, Лавела, и с ыными мѣсты, что к тѣм волостем потагло. Да Югрѣ и Печерѣ со всѣмъ, да Пермь Великую со всѣмъ, да горѣд Костромѣ и с Плесом, и с Нерехтою, и с Блѣдамом, и с волостями, и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами; горѣд Галич с волостями и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пѣшлинами, и з Сѣлью, и с Унжею, и с Чюхломою, и со в всѣмъ, что к Галичю и к Унже, и к Чюхломѣ изстарины потагло; да Новгород Нижней с волостями и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, и с мордвами, и с черемисою, что к Новѣгородѣ потагло. А которые села и д(е)р(е)вни в Новѣгородѣ в Нижнемъ за моими князми и за бояры, и за дѣтми за боярскими, за кѣмъ ни бѣди, и то все с(ы)нѣ же моемѣ Васил(ь)ю»³⁴. Из многочисленных топонимов, приведённых в статье 26, такие названия, как Белоозеро, Вологда, Устюг, Кострома, Галич, в завещании Ивана III прямо названы городами. Однако к их числу должен быть отнесен и Нижний Новгород, который городом в рассматриваемом источнике почему-то не назван. Городами были упоминаемые в статье 26 завещания Унжа, Чухлома и Плес (Плесо), существовавшие задолго до 1503 г., сюда же следует относить Пермь Великую, Нерехту, Соль Великую и, возможно, Солигалич (Галичская Соль). Можно предполагать, что названия Вычегда, Югра, Печера также относились к городам, но твёрдых оснований для таких

³¹ Там же. С. 355–356.

³² Там же. С. 356.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

утверждений у нас нет, названы, видимо, волости по соответствующим рекам. Таким образом, общее число городов, переходивших в наследство князя Василия по статье 26 завещания его отца, должно равняться 14.

Статья 27 завещания передавала Муром и земли граничивших с Муромом мордовских князей в наследство того же князя Василия: «Да емѹ же даю гурѡд Мѹром с волостыми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, и с мордвами, и с черемисою, что къ Мѹромѹ потагло, да Мещера с волостыми, и з селы, и со всѣмъ, что к ней потагло, и с Кошковымъ, да кн(а)зи мордовские всѣ и з своими ѡчиными с(ы)нѹ же моемѹ Васил(ь)ю»³⁵. Муром прямо назван городом. Что касается упоминаемых вместе с ним Мещеры и Кошкова, то это тоже могли быть названия городов. Во всяком случае, в XV в. существовал город Мещерск – современный Горбатов. Поэтому можно думать, что в статье 27 речь идёт о двух городах, переходивших в наследство князя Василия.

Перечень будущих владений князя Василия на востоке Русского государства продолжен в статье 28 завещания: «Да с(ы)нѹ же своемѹ Васил(ь)ю даю Валцкѹю землю всю, города и волости, и со всѣмъ, что к ней потагло, и с арскими князми, как было при мнѣ»³⁶. Вятская земля (в XIV в. бывшая центром удельного княжества в составе Нижегородского княжества) в XV в. оказалась московским владением на порубежье с Казанским ханством. На этой земле стали быстро расти мелкие крепости, защищавшие местное население от нападений соседей. Общее число таких вятских городков-крепостей неизвестно, но характерно, что все они были завещаны только старшему сыну Ивана III Василию. Никто из его братьев каких-либо городов в Вятке не получил. В XV в. к вятским городам можно отнести Котельнич и Орлов. Они были взяты московскими войсками и возвращены в состав московских владений во время похода на Вятку в 1459 г.³⁷ Таким образом, можно считать, что в Вятской земле насчитывалось не менее трёх городов: сама Вятка, Котельнич и Орлов.

Статья 29 устанавливала контроль будущего великого князя Василия III над территорией Луха и относившихся к нему волостей: «А что еси пожаловал кн(а)за Ѡеѡд(о)ра Ивановича Бѣлског(о), дал еси емѹ в вотчинѹ горѡд Лѹх с волостыми, да волости Вичюгѹ, да Кинешмѹ, да Чихачев, и княз(ь) Ѡеѡд(о)рѹ или ег(о) дѣти слѣжат с(ы)нѹ моемѹ Василью, а тѹ свою вотчинѹ дръжат по томѹ, как было при мнѣ. А ѡѣдет княз(ь) Ѡеѡд(о)рѹ или ег(о) дѣти ѡ моего с(ы)на ѡ Васил(ь)а къ моим дѣтемъ къ меньшим или х комѹ ни бѣди, и та ег(о) вотчина Лѹх и с тѣми волостыми с(ы)нѹ же моемѹ Васил(ь)ю»³⁸.

Статья 30 передавала захваченное Иваном III в 1485 г. Тверское княжество: «Да с(ы)на же своег(о) Васил(ь)а бл(а)гословляю своею ѡчиною, великим княжеством Тѡерским, даю емѹ горѡд Тѡѣрь и Городен с волостыми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами по томѹ, по каа мѣста писал ко Тѡѣри писецъ нашъ княз(ь) Ѡеѡд(о)рѹ Алабыш; горѡд Клин с волостыми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, по томѹ, по каа мѣста писал писецъ нашъ Петръ Лобан Заболотцкой, ѡприч(ь) тог(о), что еси променил своим братаничем, Борисовым дѣтем Ѡеѡд(о)рѹ да Иванѹ, ѡ Тѡѣрские земли Бѹигорѡд да Колпь, и в то с(ы)нѹ мои Василей не вѣстѹпаетса». Однако в Тверском княжестве Василий получал далеко не все города. Ему передавалась Тверь, главный город прежнего

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ ПСРЛ. Т. XXV. С. 276.

³⁸ ДДГ. № 89. С. 357.

княжества, Городень (небольшая крепость на левом берегу Волги на восток от Твери), Клин со всеми относившимися к нему волостями, путями и сёлами, кроме Буйгорода и Колпи, которые отошли к племянникам Ивана III князьям Фёдору и Ивану, сыновьям Бориса Васильевича Волоцкого, в результате обмена на сёла волоцких князей на землях великого князя Ивана III. В будущем Василий III должен был соблюдать все условия этого обмена³⁹.

Статья 31 в общем виде решала вопрос о вотчинах служебных князей в московских и тверских землях. Если князья оставались служить Василию III, то они сохраняли свои вотчины. Если меняли сюзерена, то лишались вотчин. Их обладателем становился Василий III.

В большой по объёму статье 32 перечислены города бывшей Новгородской республики, названной в завещании Ивана III Новгородским великим княжением, и переходе этих городов в обладание князя Василия: «Да с(ы)на же своег(о) Васил(ь)а бл(а)гословляю своею ѿчиною, великимъ княжен(ь)емъ Новогорѡдским, даю ему Великии Новгорѡд со всѣмъ, с пал(ь)ю патинами, с волостьми и с погосты, и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, и з города: Иван горѡд, Ёма горѡд, Копор(ь)а горѡд, Грѣшок горѡд, Ладога горѡд, Дѣман горѡд, Кѣръ горѡд, Порхѡв горѡд, Высокой город, Кошкин горѡд, Рѣса горѡд. А дал есми емѣ тѣ города всѣ с волостьми и с погосты, и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами. Да горѡд Торжѡк с волостьми и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами. Да в Новогорѡдской ж землѣ даю емѣ горѡд Холмъ и Велию, и Бѣецъ, и Лопастиси, и с ыными мѣсты, со всѣмъ, что к ним потагло; да горѡд Лѣки Великие с волостьми и с погосты, и со всѣми пошлинами, да лѣтцкие ж волости Пѣповичи, Ваз, Часпла, Коротаи, Дѣбно, Комша и с ыными мѣсты, что к ним потагло; да Ржевѣ Пѣствю с волостьми и с погосты, и со всѣми пошлинами; да Корѣлскѣю землю всю, Корѣлской горѡд с волостьми и с погосты, и со всѣми пошлинами, со всѣмъ с тѣмъ, что х Корѣлской землѣ потагло, и с Лол(ь)ю с лѣшею и съ дикою Лопью»⁴⁰. В тексте названо по меньшей мере 17 городов Новгородской земли (статус Буйца и Лопастец неясен), которые должен был унаследовать старший сын Ивана III. Ни один из младших сыновей завещателя ничего из территории Новгородского великого княжения не получал.

За князем Василием закреплялись также двинские и заволочские земли. Статья 33 постановляла: «Да с(ы)нѣ же своемѣ Василью даю Заволотцкѣю землю всю, Сѣнего и Каргополе, и все Понѣжье, и Двинѣ, и Вагѣ, и Кокшенгѣ, и Велской погостъ, и Колмогоры, и всю Двинскѣю и Заволотцкѣю землю»⁴¹. Среди разных частей этих земель в статье 33 названы два города — Каргополь и Колмогоры.

Статья 34 завещания лаконична: «Да с(ы)на же своег(о) Васил(ь)а бл(а)гословляю своею ѿчиною, даю емѣ горѡд Пѣсков и з города, и с волостьми, и з селы, и всю землю Пѣсковскѣю»⁴². Однако в ней указывается, что Псков передаётся в наследство Василию вместе с городами Псковской земли, а их было немало. В XIII—XV вв. источники называют в псковских землях Изборск, Гдов, Велье, Володимирец, Воронач, Врев, Выбор, Вышгород, Кобылье, Опоч-

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

ку, Остров, Себеж⁴³. Вместе со Псковом в Псковской земле Василий III получил 13 городов. Следует обратить внимание, что город Себеж имел и другое название – Ивангород. Он был построен на северном берегу озера Себеж, находившегося в 140 км к югу от Пскова. Его не следует путать с упомянутым выше новгородским Ивангородом, построенным в 1492 г. на русском берегу р. Нарвы по приказу Ивана III и названном Ивангородом в его честь⁴⁴.

В статье 35 приводятся данные ещё о двух городах, которые должны были принадлежать князю Василию: «Да с(ы)нѹ же своемѹ Васил(ь)ю даю горѹдъ Торопецъ с волостыми и с погосты, и з селы, и со всѣми пошлинами, со всѣмъ, что к немѹ потагло, да волости Данково, Любѹта, Дѹбна, Рожна, Тѹра, Биберево, Старцева, Нежелскаа, Велижскаа, Плавѣтцкаа, Жыжетцкаа, Сѹзерскаа, Казариновскаа. Да емѹ же даю горѹдъ Сѹстрее с волостми и со всѣмъ, что к немѹ потагло, а волости Березай, Невле, Усвай, Лѹвицо, Веснѣболого, со всѣм с тѣм, что к Торопцѹ и к Острей, и к тѣмъ волостем потагло, как было при мнѣ»⁴⁵. Упомянутые здесь два города – Торопец и Острей – находились в разных местах. Торопец, старый древнерусский город, являлся частью Смоленского княжества с момента возникновения последнего и отстоял от Смоленска примерно на 200 км к северу. Крепость Острей построили, скорее всего, литовцы в 11 км к западу от Пскова, и Иван III отбил город у них.

Статья 36 закрепляла за князем Василием земли его отца в Рязанском княжестве, которые тот получил по завещанию своего племянника – рязанского князя Фёдора Васильевича. Статья зафиксировала переходы земель от одного князя к другому: «А что ми дал сестричич мои, княз(ь) Феоѹд(о)рѹ Васил(ь)евич Рязанской, свою ѿчинѹ на Рязани в городѣ и на посаде свои жеребеи, и Старѹю Рязан(ь), и Перевитебскѣ с волостыми и с пѹтми, и з селы, и з бортью, и с тамгою, и со всѣми пошлинами, по томѹ, как са дѣлил сѣ своим братомѹ, со кн(я)земъ с Ываном, и аз тѹ его вотчинѹ, жеребеи в городѣ на Рязани и на посаде, и Старѹю Рязан(ь), и Перевитебскѣ с волостыми и с пѹтми, и з селы, и з бортью, и з тамгою, и со всѣми пошлинами, со всѣмъ по томѹ, как было за кн(я)земъ за Феоѹд(о)ром, даю с(ы)нѹ своемѹ Василью»⁴⁶. Фигурирующая в тексте статьи 36 Старая Рязань городом к моменту составления завещания Ивана III не являлась, но название сожжённой Батыем крепости сохранялось, обозначая волость или место. Рязанью же стал называться Переяславль Рязанский, разделённый между двумя братьями, сыновьями сестры Ивана III Анны, князьями Иваном и Фёдором Васильевичами. Доля («жеребей») младшего из них в Переяславле Рязанском перешла к Ивану III, как и город Перевитск. В бывшей части Рязанского княжества Василий получил только один целый город – Перевитск.

На статье 36 завещания заканчивается перечень будущих владений преемника Ивана III на столе великого княжения всея Руси. В этом перечне по самым скромным подсчётам насчитывалось 95 городов, которыми должен был владеть Василий. Попытавшись определить их количество, Соловьёв серьёзно ошибся, указав, что их было 66; Ключевский ошибки не заметил, без всякой проверки оперируя данными Соловьёва.

⁴³ Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 12, 15, 17, 28, 31, 36, 37, 39, 62, 76, 100–101.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. XXV. С. 333.

⁴⁵ ДДГ. № 89. С. 355.

⁴⁶ Там же. С. 357–358.

Далее в завещании Ивана III шёл раздел, описывавший владения его младших сыновей: Юрия, Дмитрия, Семёна и Андрея. Статья 37 содержала указание на дворы в московском Кремле, которые переходили в собственность четырёх младших сыновей великого князя: «Да дѣтемъ своимъ меньшимъ, Юрью з брат(ь)ею, даю дворы внѣтри города ꙗ Р(о)ж(де)ства Х(ри)с(то)ва, Петровской да Ивановской, да Микитинской Костантиновичев, да княж Александрѡвской двор Ѡболенског(о), да Васил(ь)евъской двор Сабѣрова, да княж Васил(ь)евъскши двор, да княж Ѡвд(о)рѡвской княж Васил(ь)евыхъ детеи Ѡболенског(о), да княж Иванѡвской двор Стригин, да Иванѡвской двор Борисова, да двѣ Иванов Волѡдимеровыхъ детеи Семенова, да Иванѡв Михаилова с(ы)на Семенова, да Григорьевской дворъ Бабин, да Васил(ь)евъской двор Тѣчков, да гдѣ мои портные мастера живѣт, Нвздриа да Квзнецов, да Ушакъ, по Новѣю ѡлицу, что идет ѡлица ѡ площади къ Фрѡловскимъ воротомъ, а от площади, по каа мѣста кол(ь)е бито, а дѣти мои, Юрьи з брат(ь)ею, тѣ мѣста межъ соба поделатъ порѡвнѣ»⁴⁷. Если считать, что Иваны Семёновы получили один двор на двоих, то четырём младшим сыновьям Ивана III было завещано 13 дворов, которые им следовало самостоятельно поделить поровну.

Далее идут четыре статьи (38–41), фиксирующие владения четырёх младших сыновей Ивана III в Москве за пределами Кремля и в станах, окружавших городскую территорию Москвы. Сын Юрий получал «на Мѡсквѣ селцо Сѣшово з дворы з горѡдцкими с посадными». Из московских сѣл ему дали «село Лыткино з д(е)р(е)внѣами». Дмитрию отец завещал «на Мѡсквѣ селцо Напрѣдцкое з дворы с горѡдцкими с посадными», а из московских сѣл к нему переходили «Ѡзеретцкіе села Старое да Новое з д(е)р(е)внѣами». Семён должен был получить «на Мѡсквѣ селцо Лѣцинское и с мельницею, и со псарнею, да слободкѣ княж Васил(ь)евъскѣю Ромодановского», а из московских сѣл «Рѡзсѣдовские села за Похрою, Звѣрево да Бораново, з д(е)р(е)внѣами, что еси выменил ꙗ братнихъ детеи ꙗ Борисовыхъ», т.е. князя Бориса Волоцкого. Андрею завещались владения в разных московских местах. Иван III дал ему «на Москвѣ за рекою слобѡдкѣ Колычевскѣю да монастыр(ь) Р(о)ж(де)ство Пр(е)ч(и)стые на Голѣтвинѣ». Из московских сѣл он получил «село Ідсенево да село Сарыево, да Юдино з д(е)р(е)внѣами»⁴⁸.

Далее со статьи 45 в завещании начинается раздел, где перечислялись города и волости, которыми должны были владеть младшие сыновья Ивана III от его брака с Софьей Палеолог. Первый из них, Юрий, получал после смерти отца «горѡд Дмитрѡв с волостми и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, ѡприч(ь) переаславскихъ волостей Серебожа, Р(о)ж(де)ственног(о), Бѣскѣтова, что еси дал с(ы)нѣ Васил(ь)ю къ Переаславлю, и ѡприч(ь) замѡсковскихъ волостей, что еси их дал с(ы)нѣ же своемѣ Васил(ь)ю къ Мѡсквѣ, и в тѣ волости с(ы)нѣ мои Юрьи ꙗ моег(о) с(ы)на ꙗ Васил(ь)а, а ꙗ своег(о) брата ꙗ старѣшаг(о), не встѣпаетсѣ ничѣмъ». Второй город князя Юрия указан в статье 48 завещания его отца: «Да емѣ ж даю горѡд Звенигорѡд с волостми и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, да волость Шопькову со всѣмъ». Третий — в статье 49: «Да с(ы)нѣ же своемѣ Юрью даю во Тѣфской землѣ горѡд Кашин с волостми и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами по томѣ, по каа мѣста писал х Кашинѣ писецѣ нашѣ Василеи Карамышеѡ». Статья 50 увеличивала число городов,

⁴⁷ Там же. С. 358.

⁴⁸ Там же. С. 358–359.

отходивших к Юрию: «А что ми дал братанич мои, княз(ь) Иван Борисович, свою вѣчинѹ горѹд Рѹзѹ с волостьми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, и с тѣми волостьми, и з станы, что са дѣлил з братом съ своим съ Ѡевд(о)ромѹ вѹ Волока, шприч(ь) Рюхѹвскоз(о) села з д(е)р(е)внами, что дал братанич мои Иван братѹ своемѹ Ѡевд(о)рѹ, и аз горѹд Рѹзѹ с волостьми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, и с тѣми волостьми и з станы, что са дѣлил з братом съ своим съ Ѡевд(о)ромѹ вѹ Волока, даю с(ы)нѹ своемѹ Юрюю, со всѣмъ с тѣмъ, по томѹ, как было за моим братаничем за Иваном, шприч(ь) Рюхѹвскоз(о) села з д(е)р(е)внами»⁴⁹. Князь Юрий получал то, что завещал Ивану III младший сын Бориса Волоцкого князь Иван, за исключением древнего села Рюховского, которое отходило старшему брату князя Ивана Борисовича Фёдору. Однако основное владение князя Ивана Борисовича – Руза – оставалось за Иваном III, и он передал город сыну Юрию.

Последние сведения о владениях второго сына Ивана III Юрия содержатся в статье 51: «Да с(ы)нѹ же своемѹ Юрюю даю горѹд Бранскѹ с волостьми и с погосты, и з селы, и со всѣми пошлинами, со всѣмъ, что къ Бранскѹ потагло, да волости Солѹв(ь)евичи, Прикладни, Пацын, Ѡевд(о)ровскаа, Гѹсовикѹ, Покиничи, Сѹхар(ь), Всеславль, Вороница, Жерын, Батогова, Хвошна, Пианова, Волконескѹ. Да емѹ же даю горѹд Серпѣскѹ с волостми и со всѣмъ, что к нему потагло, а волости Замѹш(ь)е, Тѹхачев, Дегна, Ѡоминичи, Погостище, Ковылна, Ближевичи, Любѹн, Снопѹт(ь), Даниловичи, Шѹа, Дѣмена, Ужеперет, Чернатици, Городечна, Мошын да Гнѣздилово, что была вотчина кн(а)-за Александра княж Иваново с(ы)на Гнѣздиловскоз(о), со всѣмъ с тѣмъ, что къ Бранскѹ, и къ Серпѣискѹ и к тѣмъ волостем потагло, как было при мнѣ»⁵⁰. К названным в статье 51 городам Брянску и Серпейску следует присоединить Волконеск, центр одноименной волости, который в начале XVI в., скорее всего, был городом. Таким образом, во владениях князя Юрия находилось не менее семи городов, завещанных ему его отцом: Дмитров, Звенигород, Кашин, Руза, Брянск, Серпейск и Волконск.

Статья 52 начинала перечень владений третьего сына Ивана III – Дмитрия. Ему передавались три города: «Да бл(а)гословляю с(ы)на своез(о) Дмитреа, даю емѹ горѹд Углече Поле с волостьми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, и с Устюжною, и с Рожаловым, и с Велетовым, и с Кистьюмою, и со всѣмъ с тѣмъ, что к Углечю и к тѣмъ волостем потагло; горѹд Мологѹ и з Глѣбовых вотчиною, и съ езы на Волзѣ и на Молозе, со всѣмъ, по томѹ, как было при мнѣ»⁵¹. Согласно этой статье к князю Дмитрию переходили города Углич (Угличе Поле), Устюжна и Молога. В Мологе Дмитрий получал право собирать пошлины с большого торгового пункта, переведённого туда из Холопьего городка (статья 53).

Статья 54 дополняла список городов, завещанных князю Дмитрию: «Да емѹ же даю горѹд Хлепен(ь) и с Рогачевым, и с Нѣгомиремъ, с волостьми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами»⁵². К прежним трём городам присоединялся ещё один – Хлепень. К сожалению, нет твёрдых данных о том, были ли упоминаемые вместе с Хлепнем Рогачёв и Негомир в 1503 г. городами, или нет.

⁴⁹ Там же. С. 359.

⁵⁰ Там же. С. 359–360.

⁵¹ Там же. С. 360.

⁵² Там же.

В статье 55 указывались ещё два города, предназначавшихся князю Дмитрию: «Да въ Тѣрской землѣ даю емѹ горѹдъ Зѹбцовъ с волостыми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами; горѹдъ Опоки с волостыми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, по томѹ, по каа мѣста писалъ къ Зѹбцовѹ и к Опокамъ писецъ нашъ Дмитрией Пѣшкоѹ»⁵³. В завоёванном в 1485 г. Иваном III Тверском княжестве князю Дмитрию дали города Зубцов и Опоки.

Далее согласно статье 56 к князю Дмитрию переходили земли, полученные его отцом по завещанию его племянника князя Ивана Борисовича Волоцкого: «А что ми далъ братаничъ мой, княз(ь) Иванъ Борисовичъ, свою ѿчинѹ, половинѹ Ржевы с волостми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, по томѹ, какъ сѧ дѣлилъ съ своимъ братомъ с Ѧвѹд(о)ромѹ, и ѧзъ половинѹ Ржевы с волостыми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами даю с(ы)нѹ же своемѹ Дмитрею со всѣмъ, по томѹ, какъ было за моимъ братаничемъ за Иваномъ»⁵⁴. Следуя этому решению, князь Дмитрий получал в своё распоряжение половину Ржевы Волжской (не путать с позднейшей Ржевой, иногда называемой Пустой, на р. Лысте).

Наконец, статья 57 заключала перечень городов, предназначавшихся князю Дмитрию: «Да с(ы)нѹ же своемѹ Дмитрею даю горѹдъ Мѣсческъ с волостми и с погосты, и з селы, и со всѣми пошлинами, со всѣмъ, что к немѹ потагло, какъ былъ за мѣзетцкими князми; горѹдъ Опаковѹ со всѣмъ, что к немѹ потагло, да волости Залидовъ, Недоходово, Лычино, Бышковичи по Угрѹ со всѣмъ с тѣмъ, что к Опаковѹ и к тѣмъ волостемъ потагло, какъ было при мнѣ»⁵⁵. В заключительный перечень городов князя Дмитрия вошли два города: Мезецк, название которого в завещании Ивана III дано как Месческ, и Опаков. Всего же князь Дмитрий получал восемь городов – Углич, Устюжну, Мологу, Хлепень, Зубцов, Опоку, Мезецк, Опаков – и половину Ржевы Волжской.

Четвёртый сын Ивана III Семён по статье 58 завещания своего отца получил два города в разных местах: «Да бл(а)гословляю с(ы)на своег(о) Семѣна, даю емѹ горѹдъ Бѣжытцкой Верхъ с волостми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами; горѹдъ Колѹгѹ с волостми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами»⁵⁶. Город Бежецкий Верх находился к северо-западу от Москвы, а Калуга – к югу от неё. Расстояние между этими городами превышало 440 км. Отдалённым от них было положение ещё одного города, данного Семёну (статья 59): «Да с(ы)нѹ же своемѹ Семѣнѹ даю горѹдъ Козелескъ с волостми и з селы, а волости козелские Серенескъ да Людимескъ, да Коробки и Вырки, на Вырке на рекѣ волости Сѣнища да Сытичи, да Выино и с ыными мѣсты, да Липици, да Взбынѹвѹ, да Верхъ-Серена, да Лѹган, да Мѣстилово, да Кѣцын, да Хвостовичи, да Порыски, да Борѹтин, да Сѹрень, да Хостыци, да Жеремиин, да Сныхово, да Ивановское Бабина село Незнаново, и с ыными мѣсты, со всѣмъ с тѣм, что к тѣмъ волостемъ и селомъ потагло»⁵⁷. Помимо Козельска, известного с XII в., статья 59 называет также Серенск, который во времена составления завещания Ивана III оставался, скорее всего, городом. Во всяком случае, Серенск как город упоминается уже в XIII в., в домонгольское время⁵⁸. Обобщая приведённые данные о будущих владениях князя Семёна, можно констатировать, что

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 360.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 125.

последнему были завещаны четыре города: Бежецкий Верх, Калуга и Козельск с Серенском.

Последний, пятый сын Ивана III Андрей согласно статье 68 завещания получал несколько городов в относительной близости от Москвы: «Да бл(а)гословляю с(ы)на своеа(о) Андрѣа, даю ему горѡд Верею с волостми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами; горѡд Вышегорѡд с волостьми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами; горѡд Ёлѣзин с волостми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, и с Волконою, и с Кониным, и з Гордѣвым, и с Ньюховою, и со всѣмъ с тѣмъ, что к тѣм мѣстом потагло»⁵⁹. Как видно из статьи, Андрею передавалась подмосковная Верея, находившийся в 10 км от неё к югу Вышгород⁶⁰ и более отдалённый от первых двух городов Алексин. Другие четыре топонима, указанные в статье 68, относятся, по-видимому, к волостям. Статья 69 расширяла владения князя Андрея: «Да емѹ ж даю горѡд Любѹтескъ с волостми и со всѣми пошлинами, и со всѣмъ, что к немѹ потагло, как было при мнѣ, и с Веприным, что за ѡдоевскими княз(ь)ми»⁶¹. Согласно статьям 70–72, к князю Андрею переходил ряд московских и бывших московских волостей и часть медового пути, но города в этих статьях не указывались. Зато по статье 73 князь Андрей становился обладателем Старицы и иных тверских городов: «Да въ Тѣерской землѣ даю емѹ горѡд Старицѹ с волостми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами по томѹ, по каа мѣста писал къ Старице писецъ наш Борис Кѹтѹзов. Да даю емѹ Холмѣских вотчинѹ, Холмъ и Новои городок, да волость Ёлешню, да волость Синюю, и иные волости и пѹти, и села, со всѣми пошлинами по томѹ, по каа мѣста тѣ ѡчины и волости, и пѹти, и села писал писецъ наш Андрѣи Карамышеѡ»⁶². Таким образом, князь Андрей получал в наследство 7 городов: Верею, Вышгород, Алексин, Любутск, Старицу, Холм и Новый городок.

Всего своим четырём младшим сыновьям Иван III завещал 26,5 городов. Это на 3,5 города меньше того числа, которое называл Соловьёв. Прибавляя к этому количеству ещё 95 городов, завещанных Иваном III старшему сыну Василию, мы получим общую итоговую цифру городов, розданных Иваном III сыновьям – 121,5. Исходя из последней цифры заключаем, что старший сын Ивана III Василий получил 78,19% городов, пошедших в раздачу, второй сын Юрий – семь (5,76%), Дмитрий – восемь с половиной (7%), Семён – четыре (3,29%), Андрею отец дал семь городов (5,76%). Всего младшие сыновья Ивана III получили 21,81% завещавшихся городов, т.е. все вместе – в 3,6 раз меньше, чем их старший брат Василий. Последний, обладая в будущем 95 городами Русского государства, должен был в 13,6 раз превосходить владения брата Юрия и во столько же раз владения Андрея. Владения ещё одного сына Ивана III Дмитрия были меньше владений его старшего брата Василия в 11,2, а Семёна – в 23,8 раза. Приведённые цифры превышают показатели, учитывавшие только данные о размерах выплат татарам сыновей Ивана III и на этом основании используемые для характеристики возможностей великокняжеской и удельнокняжеской властей в Русском государстве начала XVI в. Очевидно,

⁵⁹ ДДГ. № 89. С. 360.

⁶⁰ Атлас Московской области. М., 2003. С. 109.

⁶¹ Там же. Город Любутеск (Любуцк) стоял на правом берегу р. Оки при впадении в неё р. Любутки. О местоположении Любуцка см.: *Болдин И.В.* Археологическое исследование городища летописного Любутска // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Тула, 2001. С. 24.

⁶² ДДГ. № 89. С. 361.

централизация власти, проведённая в последние годы жизни Иваном III, была явлением более широким и целенаправленным, чем казалось до сих пор. В руки преемника Ивана III на великокняжеском столе попадала громадная территория, многократно превышавшая размеры уделов каждого из его братьев. По сравнению с XIV—XV вв., когда доля владений будущего московского великого князя при наличии у него одного или нескольких родных братьев колебалась между 67% и 50% владений его отца, завещание Ивана III гарантировало его преемнику обладание почти 80% всех городов Русского государства. Такое предсмертное решение Ивана III означало реконструкцию верховной власти в Русском государстве. Решительное предпочтение отдавалось старшему сыну, к которому переходила подавляющая часть территории, бывшей во владении его отца. Что же доставалось на долю младших сыновей Ивана III?

Карамзин отмечал, что по завещанию Ивана его младшие сыновья получили «богатые вотчины». Даже дружественные Ивану III казанские ханы, под напором соперников оставлявшие Казань и искавшие спасения в Москве, для прокормления получали лишь один—три города.

Обращает на себя внимание, что города, предназначенные Иваном III младшим сыновьям, располагались друг от друга на расстоянии многих десятков, а иногда и сотен километров. Приведённый выше пример с Бежецким Верхом и Калугой, завещанными Иваном III сыну Семёну, красноречиво говорит об этом. Удалённость княжеских владений друг от друга, фиксируемая на Руси уже со второй половины XI в., косвенно свидетельствует о том, что обладание такими владениями основывалось не на отчинных началах (владение с правом передачи его по наследству), как в своё время полагал Пресняков, а на началах прекарности (временное владение, вплоть до конца жизни, но без права его расширения и передачи по наследству). Статья 86 завещания Ивана III прямо запрещала увеличение княжеских удельных владений: «А мои дѣти ѿ с(ы)на моег(о) ѿ Васил(ь)а въ Москвѣ и въ всем его в великом княжестве земел(ь) не кѹпат, ни дрѣжат, ни закладней не дрѣжат». В то же время удельный князь лишался права продавать удел. И если у удельного владельца не было наследников, его земли переходили к великому князю: «А которыг(о) моег(о) с(ы)на не станет, а не встанетсѧ ѿ нег(о) ни с(ы)на, ни внѹка, ино ег(о) ѿдѣл весь в Московской землѣ и въ Тѣрской землѣ, что еси ему ни дал, то все с(ы)нѹ моемѹ Васил(ь)ю, а брат(ь)а ег(о) ѿ него в тот ѿдѣл не вѣстѹпаютсѧ»⁶³.

Приведённые данные свидетельствуют, что написанным в 1503 г. завещанием Иван III перестраивал отношения между сыновьями. Особое внимание уделялось старшему сыну, который должен был занять великокняжеский стол. К нему во владение переходило подавляющее число городов, волостей, мест и различных сельских поселений, что предопределяло авторитарный характер управления Русским государством. Четыре младших брата будущего Василия III по завещанию отца получали вместе менее 22% всех русских городов, что было достаточно для повседневной жизни, но не для борьбы за верховную власть, а возможность такой борьбы сильно беспокоила Ивана III. В одной из последних статей своей «душевной грамоты» он дал описание возможных действий удельных князей против великого князя и наказание за такие действия: «А которой мои с(ы)нѣ не ѹчнет с(ы)на моего Васил(ь)а слѹшати во всем, или ѹчнет пѹд нимѣ под(ь)искивати великих княжествъ или пѹд его детми, или

⁶³ Там же. С. 361—362.

ꙋчнет ѿ нег(о) ѿстꙋпати, или ꙋчнет ссылатисѧ с кѣмъ ни бꙋди тайно или явно на ег(о) лихо, или ꙋчнꙋт ког(о) на нег(о) пꙋд(ъ)имати, или с кѣмъ ꙋчнꙋт на нег(о) вдиначитисѧ, ино не бꙋди на нем м(и)л(о)сти Б(о)жіеи, и Пр(е)ч(и)стые Б(о)г(о)м(а)т(е)ри, и с(вя)тых чюдотворецъ м(о)л(и)твы, и рꙋд(и)тел(ъ) наших, и нашег(о) бл(а)г(о)с(ло)веніѧ и в сіи вѣкъ и в бꙋдꙋщій»⁶⁴. Изображённая в завещании Ивана III личность честолюбивого удельного князя-интригана, борющегося за великокняжеский стол со старшим братом, в действительности никогда не существовала. Но в мае 1537 г. единственный остававшийся в живых сын Ивана III старицкий князь Андрей поднял мятеж против управлявшей страной Елены Глинской, вдовы Василия III. В Москве было собрано войско и отправлено против недовольного своим положением князя. 1 июня 1537 г. князя Андрея схватили вместе с женой и сыном, привезли в Москву и посадили в тюрьму. Не выдержав тяжести железных оков, старицкий князь скончался в декабре 1537 г.⁶⁵ На этом в Русском государстве закончилась династическая борьба за обладание высшей властью.

⁶⁴ Там же. С. 363.

⁶⁵ Кучкин В.А. Московские Рюриковичи. Генеалогия и демография // Исторический вестник. 2013. Т. IV. С. 48–49.